

Россинский Сергей Борисович,

доктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник сектора уголовного права,
уголовного процесса и криминологии,
Институт государства и права Российской
академии наук,
Российская Федерация, 119019, г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10;
профессор кафедры управления органами
расследования преступлений,
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Sergey Borisovich Rossinsky,

Doctor of Law, Associate Professor,
Chief Researcher of the Criminal Law, Criminal
Procedure and Criminology Sector,
Institute of State and Law of the Russian
Academy of Sciences,
Russian Federation, 119019, Moscow, Znamenka St., 10;
Professor at the Department of Management
of Bodies and Units Crimes' Investigation,
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Научная специальность:
12.00.09 — Уголовный процесс
(5.1.4. Уголовно-правовые науки)

Scientific specialty:
12.00.09 — Criminal Procedure
(5.1.4. Criminal Law Sciences)

УДК 343.146

DOI 10.24412/2072-9391-2022-262-74-81

Дата поступления: 24 февраля 2022 г.

Дата принятия статьи в печать: 15 июня 2022 г.

Вещественные доказательства как средства доказывания по уголовному делу: в чем их познавательная ценность?

Physical Evidence as a Means of Proof in a Criminal Case: What is Their Cognitive Value?

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются сущность и предназначение вещественных доказательств как автономных средств уголовно-процессуального доказывания в отрыве от взаимосвязанных с ними иных познавательных ресурсов, находящихся в распоряжении органов предварительного расследования и суда.

В этой связи подвергаются критике традиционные доктринальные позиции по данному вопросу, которые представляются недостаточно точными, лишенными конкретности, не позволяющими разграничить вещественные доказательства с результатами (протоколами) следственных и судебных действий, результатами оперативно-розыскных и административных мероприятий органов исполнительной власти, заключениями эксперта.

Для формирования более четкой и понятной доктринальной основы вещественных

Abstract

This article examines the essence and purpose of physical evidence as autonomous means of criminal procedural proof, in isolation from the other cognitive resources interconnected with them, which are at the disposal of the preliminary investigation bodies and the court.

In this regard, the traditional doctrinal positions on this issue are criticized, which seem to be insufficiently accurate, devoid of specificity, which do not allow distinguishing material evidence from the results (protocols) of investigative and judicial actions, the results of operational search and administrative measures of executive authorities, expert opinions.

In order to form a clearer and more understandable doctrinal basis of material evidence, eliminating the legal uncertainty of the relevant provisions of the law and reducing the risks of the practical errors and difficulties, the article proposes a sci-

доказательств, исключающей правовую неопределенность соответствующих положений закона и снижающей риски практических ошибок и трудностей, в статье предлагается ранее уже апробированный в части рассмотрения других средств доказывания научный подход, подразумевающий выявление выполняемой ими роли в общем механизме установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, и обоснования следственных либо судебных правоприменительных актов.

В результате формулируется вывод о том, что само по себе вещественное доказательство позволяет установить лишь факт своего собственного существования в объективной реальности, тогда как, будучи встроенным в общую совокупность имеющихся в арсенале дознавателя, следователя, суда средств доказывания, оно приобретает иной смысл – выступает связующим звеном между другими информационными ресурсами, тем самым способствуя формированию общей логической цепочки аргументов и суждений, предопределяющих исход уголовного дела либо установление какого-то промежуточного факта. Отмечается, что основная познавательная ценность вещественных доказательств состоит в возможности их сохранения в неизменном виде при уголовном деле, то есть своеобразной процессуальной консервации, предполагающей способность быть представленным для визуального обозрения в любой момент уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: вещественные доказательства; заключение эксперта; предмет доказывания; результаты оперативно-розыскных мероприятий; результаты следственных действий; следственный осмотр; средства доказывания; уголовно-процессуальное познание.

entific approach that has already been tested in terms of considering the other means of proof, implying identification of their role in general mechanism of establishing circumstances relevant to a criminal case and substantiating investigative or judicial enforcement acts.

As a result, conclusion is formulated that the material evidence itself allows to establish only the fact of its own existence in objective reality, whereas, being embedded in the total set of evidentiary means available in the arsenal of the inquirer, investigator, court, it acquires a different meaning – it acts as a link between the other information resources, thereby contributing to the formation of a common logical chain of arguments and judgments that predetermine the outcome of a criminal case or the establishment of some intermediate fact. It is noted that the main cognitive value of physical evidence consists in possibility of their preservation unchanged in a criminal case, that is, a kind of procedural preservation, assuming the ability to be presented for visual review at any moment of criminal proceedings.

Keywords: physical evidence; expert opinion; fact in proof; results of operational search activities; results of investigative actions; investigative inspection; means of proof; criminal procedural cognition.

Введение. Под вещественными доказательствами в теории уголовного процесса традиционно понимались какие-либо имеющие значение для уголовного дела фрагменты объективной реальности, находящиеся или находившиеся в определенной связи с предметом доказывания по уголовному делу, в том числе возникшие или изменившиеся под влиянием подлежащих установлению, а также предшествующих, сопутствующих им или следующих за ними обстоятельств (так называемые материальные следы преступления в широком смысле). Им уделялось пристальное внимание как в дореволюционных [15, с. 393; 19, с. 294 и др.], так и в советских публикациях [3, с. 45; 5, с. 25; 9, с. 598; 17, с. 453 и др.]; эти же вопросы достаточно подробно рассматриваются и в со-

временной уголовно-процессуальной литературе [8, с. 36–37; 10, с. 305; 12, с. 152 и др.], а также в научных работах, посвященных иным сферам судебного доказывания, в частности доказыванию по гражданским делам [2, с. 10; 18, с. 246]. При этом выражаемый большинством авторов вышеуказанный подход к сущности вещественных доказательств представляется лежащим в правильном направлении. Его бесспорность не может вызывать никаких сомнений хотя бы потому, что понимание вещественных доказательств как объектов материального мира, как элементов вещной обстановки напрямую вытекает из их названия, образованного от слова «вещь», коим в юриспруденции, как известно, принято обозначать осязаемый предмет, созданный природой или действиями человека.

Постановка проблемы. Вместе с тем при более детальном погружении в тонкости уголовно-процессуальной доктрины, нюансы законодательства и хитросплетения правоприменительной практики такие суждения начинают казаться весьма абстрактными, размытыми, неточными, лишенными достаточной доли конкретности. Иными словами, многие изложенные в научной литературе позиции видятся сформулированными в самом общем виде, подразумевающими высокую степень обтекаемости, рассчитанными не столько на профессионалов, сколько на дилетантов-любителей, проявляющих некоторый интерес к расследованию и судебному разбирательству уголовных дел. Более того, подавляющее большинство существующих взглядов, к великому сожалению, не подразумевает особой научной свободы и оригинальности, а, напротив, предполагает высокую степень зависимости от положений закона. Некоторые авторы вообще особо не утруждали себя теоретическими изысками, освещая сущность вещественных доказательств посредством простого пересказа соответствующих статей того или иного уголовно-процессуального кодекса [7, с. 202; 9, с. 598 и др.]. В итоге доктрина и законодательство в части правовой регламентации вещественных доказательств на протяжении длительного времени находятся в состоянии «замкнутого круга»: ученые пересказывают закон; законодатель, опираясь на подобные научные «позиции», не предпринимает особых попыток пересмотра многолетних подходов к пониманию вещественных доказательств, а вынужденные законодательные поправки (например, п. 21 ч. 1, п. 21, 41 ч. 3 ст. 81, ст. 811 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) и др.) разрабатываются и принимаются весьма спонтанно, импульсивно, без надлежащей доктринальной опоры.

Во всяком случае толкование вещественных доказательств как любых материальных объектов, способствующих установлению обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, невольно упирается в целый ряд не предполагающих какой-либо ясности вопросов. Например, не совсем понятно, почему вещественным доказательством нельзя признавать труп или возникшие вследствие криминального поведения повреждения на теле живого человека (переломы, ссадины, кровоподтеки и т. д.), которые тоже являются типичными материальными следами преступления? Также неясно, почему вещественным доказательством не признается обстановка какого-либо места (помещения, сооружения, участка местности), в частности, беспорядочно разбросанные на месте квартирной кражи вещи, сго-

ревший дом и тому подобные материальные объекты? Многообразие современных форм преступной деятельности и механизмов следообразования предопределяет и другие вопросы.

Конечно, на первый взгляд, многие из них вообще не представляют какого-либо научного интереса. Эти вопросы уже давно урегулированы сложившейся за долгие годы правоприменительной практикой, подкреплены множеством криминалистических рекомендаций и, таким образом, не вызывают никаких ощутимых затруднений в деятельности органов предварительного расследования и судов (собственно говоря, поэтому данные вопросы и были названы достаточно глупыми и наивными). Скорее всего, любой практикующий в сфере уголовного судопроизводства юрист (дознатель, следователь, прокурор, адвокат, судья), ни минуты не раздумывая, скажет, что место происшествия или труп надлежит лишь осмотреть, а повреждения на теле живого человека — лишь освидетельствовать, не признавая ни один из указанных материальных объектов вещественным доказательством. Подобные алгоритмы являются для него само собой разумеющимися — именно так его учили в вузе, а после выхода на работу наставляли более опытные сотрудники.

Однако вопрос о причинах возникновения таких алгоритмов не подразумевает однозначного ответа. По крайней мере, как уже отмечалось выше, ни положения закона, ни доступные на сегодняшний день доктринальные источники не содержат никаких внятных разъяснений или указаний, позволяющих правоприменителю самостоятельно преодолеть указанные затруднения.

Более того, современные тенденции развития уголовного судопроизводства, обусловленные научно-техническим прогрессом, постоянным появлением новых способов фиксации полезных сведений, все чаще вызывают потребность в приобщении к материалам уголовных дел и определения юридического состояния (статуса) различных небумажных источников информации: аудио- и видеозаписей, носителей цифровой информации и т. д. Все указанные информационные ресурсы тоже являются материальными объектами, способствующими установлению обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, внешне весьма напоминают классические вещественные доказательства, то есть приводят к еще большей правовой неопределенности, к введению в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации неразумных предписаний, к многочисленным ошибкам и трудностям в правоприменительной практике. В частности, в публикациях автора настоящей статьи уже неоднократно обращалось внимание на совершенно деструк-

тивные, искажающие весь смысл дифференциации средств доказывания правовые конструкции, предполагающие приобщение к уголовному делу в качестве вещественных доказательств материалов контроля и записи переговоров (ч. 8 ст. 186 УПК РФ), а также информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ч. 6 ст. 186¹ УПК РФ). Кроме того, автор неоднократно указывал на ошибочность распространенной на сегодняшний день следственной практики, выраженной в признании вещественными доказательствами аудио-, видеозаписей и тому подобных материалов дополнительной фиксации следственных действий, которые, не имея значения самостоятельных (автономных) средств доказывания, могут расцениваться лишь как наглядные приложения к соответствующим протоколам, то есть исключительно в контексте ч. 8 ст. 166 УПК РФ [14, с. 229–230, 329].

Исследование и возможные варианты решения проблемы. Таким образом, в современных условиях уже давно назрела необходимость в формировании более четкой и понятной доктринальной основы вещественных доказательств, предполагающей надлежащую степень конкретности, исключаящую, по крайней мере уменьшающую, правовую неопределенность соответствующих положений закона и, следовательно, снижающую риски возможных трудностей и ошибок, неизбежно возникающих в правоприменительной практике. Причем указанную задачу (как и всякую другую задачу, связанную с пониманием подлинной сущности любого средства уголовно-процессуального доказывания) надлежит решать, не отталкиваясь от нормативной регламентации вещественного доказательства (это не даст возможности разорвать тот самый «замкнутый круг»), а исходя из фактического предназначения данного познавательного ресурса, то есть из выполняемой им роли в общем механизме установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, и обоснования приговоров, иных следственных либо судебных правоприменительных актов. Подобный и, как представляется, единственно верный подход к пониманию вещественных доказательств позволит правильно определить их подлинную сущность и, самое главное, сформулировать четкие критерии для их отграничения от других, схожих по некоторым параметрам, средств уголовно-процессуального доказывания: иных документов, результатов (протоколов) невербальных следственных и судебных действий, результатов оперативно-розыскной деятельности и т. д. Он же предопределяет возможность совершенствования существующих правовых механизмов признания тех или иных предметов веществен-

ными доказательствами и их приобщения к уголовному делу, сможет оказать влияние на внесение разумных поправок в УПК РФ и оптимизацию практической деятельности.

В этой связи необходимо обратить особое внимание на то, что высказанный тезис о возможности подлинного понимания сущности любого из используемых в судебно-следственной практике познавательных ресурсов не иначе как посредством определения его роли в общем механизме уголовно-процессуального доказывания вовсе не является голословным, не предполагает ничем не подтвержденную научную фантазию. Такой подход ранее был надлежащим образом обоснован в прежних публикациях автора и апробирован на других средствах доказывания. В частности, именно он позволил автору в своей докторской диссертации выявить и всесторонне исследовать сущность предусмотренных ст. 83 УПК РФ результатов (протоколов) невербальных следственных и судебных действий. Этот же подход был удачно использован одним из учеников автора А. В. Вытовтовым при распознавании сущности результатов оперативно-розыскной деятельности, что позволило сформулировать ряд доктринальных положений, предполагающих возможность их использования как полноценных и автономных средств уголовно-процессуального доказывания, и т. д.

В чем же состоит подлинное предназначение вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве? Какую роль выполняют эти познавательные ресурсы в общем механизме установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, и обоснования соответствующих правоприменительных решений?

На первый взгляд, ответ на данный вопрос достаточно элементарен: любое вещественное доказательство позволяет выявить факт существования в объективной реальности некоего предмета, находившегося либо находящегося в определенной связи с подлежащими установлению по уголовному делу обстоятельствами, в том числе сохранившего следы-отображения таких обстоятельств. Вместе с тем при более глубоком осмыслении этого тезиса он представляется далеко не очевидным, предполагающим множество неясностей. В частности, что означает выявить факт существования предмета в объективной реальности? Видимо, просто воспринять его внешние признаки – понять, что это за предмет и (или) каковы его физические, химические и тому подобные свойства (форма, цвет, размер и пр.). Однако в таком случае не совсем ясно, каким образом, исследуя вещественное доказательство, дознаватель, следователь или суд способны осознать его связь с обстоятельствами, входящими в пред-

мет доказывания по уголовному делу. Например, не понятно, каким образом государственный обвинитель, предъявляя вещественное доказательство в судебном заседании (фигурально выражаясь, размахивая перед судом полиэтиленовым пакетиком, в котором лежит нож, пистолет, наркотическое вещество и др.), докажет его взаимосвязь с событием преступления, личностью подсудимого и т. д.

Чтобы поставленные вопросы не показались читателю примитивными, необходимо обратить внимание на одно важное обстоятельство: автору настоящей статьи достаточно хорошо, по крайней мере, намного лучше, чем многим другим, известны механизмы уголовно-процессуального познания и доказывания, в том числе технологии работы с косвенными доказательствами, предполагающие опосредованное установление каких-либо фактов путем рассуждений, умозаключений и формулирования выводов, основанных на совокупности взаимосвязанных и выстроенных в логические цепочки сведений. Поэтому, задаваясь подобными вопросами, автор прекрасно понимает повсеместно используемые в правоприменительной практике возможности установления таких взаимосвязей через иные, промежуточные факты, например, факт обнаружения орудия взлома не где-нибудь, а именно на месте происшествия, факт нахождения вышеуказанных ножа, пистолета или наркотического вещества не у кого-нибудь, а именно у подозреваемого, факт определения тождества ранее обнаруженного следа пальца руки с экспериментальным оттиском одного из пальцев обвиняемого и т. д.

Однако все эти сопутствующие факты устанавливаются и фиксируются не путем визуального обозрения самих вещественных доказательств, а посредством грамотного использования других находящихся с ними в логическом единстве (встроенных в те самые логические цепочки), но тем не менее отдельных информационных ресурсов. Говоря образно, на вещественном доказательстве не написано, откуда взялся данный предмет, как он попал в распоряжение дознавателя, следователя, суда и каким образом связан с предметом доказывания по тому или иному уголовному делу. Все эти сведения проистекают из иных источников — результатов (протоколов) следственных и судебных действий, результатов оперативно-розыскной деятельности, свидетельских показаний, заключений эксперта и т. д. К слову, фрагментом вещественного доказательства нельзя признать даже прикрепленную к предмету, предусмотренную криминалистическими рекомендациями специальную маркировочную бирку со сведениями о месте и обстоятельствах его обнаружения и изъятия — такие сведения всего

лишь дублируют содержание протокола соответствующего процессуального действия, а сама бирка является не более чем дополнительным средством фиксации его хода и результатов, позволяющим создать дополнительные гарантии надежности факта взаимосвязи определенного предмета с обстоятельствами уголовного дела.

Основными источниками подобных сведений являются не бирки и тем более не сами вещественные доказательства, а документы (протоколы, заключения и пр.), отражающие результаты соответствующих следственных и судебных действий, судебных экспертиз, оперативно-розыскных мероприятий и т. д. Например, факты взаимосвязи каких-либо предметов с местом преступления, личностью обвиняемого (подозреваемого) и т. п. устанавливаются и фиксируются в ходе осмотра, обыска, иных невербальных следственных (судебных) действий или схожих по познавательной направленности оперативно-розыскных либо административно-правовых мероприятий; факты взаимосвязи предметов, в частности похищенного имущества, с личностью потерпевшего — в ходе допросов, предъявлений для опознания и пр.; особые свойства и признаки предметов, а также их идентификационное тождество с другими материальными объектами — в ходе судебных экспертиз и т. д., то есть вследствие вербального или невербального (наглядно-образного) восприятия этих обстоятельств различными субъектами процессуального, а иногда и непроцессуального познания.

Другое дело, что в реальной правоприменительной практике потенциальные вещественные доказательства настолько тесно переплетены с происходящими с ними процессами, настолько сильно взаимосвязаны с обстоятельствами их обнаружения и изъятия, что дознавателю, следователю, прокурору, адвокату, судье и тем более присяжным заседателям бывает достаточно сложно разграничить накопленные в ходе расследования и судебного разбирательства информационные ресурсы, определить подлинную познавательную роль каждого из них, уразуметь, где заканчивается зона действия одного средства доказывания (вещественного доказательства) и начинается зона действия другого (результата следственного действия, оперативно-розыскного мероприятия, экспертного заключения и пр.). Причем, как это ни парадоксально, причина возникновения подобных трудностей обусловлена развитыми умственными способностями и навыками логического мышления, которыми от природы наделен каждый *homo sapiens*, то есть сводится к своего рода «горю от ума». Ввиду обладания столь мощным интеллектуальным потенциалом любому человеку свойственно постоянно производить в своем сознании сложнейшие

мыслительные операции, далеко не всегда отдавая себе отчет в их характере и содержании. Он способен практически неосознанно и почти молниеносно выстраивать весьма витиеватые логические цепочки, приходить к соответствующим выводам и умозаключениям, зачастую просто не замечая «мелких деталей» и «проскакивая» отдельные звенья своих рассуждений. Представляется, что в части уголовно-процессуального доказывания, то есть совокупности познавательных приемов и аргументационно-логических операций в качестве подобных «мелких деталей», обуславливающих отдельные звенья рассуждений, как раз и выступают единичные информационные ресурсы, в том числе вещественные доказательства. Для хорошо натренированного, к тому же, как правило, подкрепленного профильными знаниями и профессиональным опытом разума следователя, прокурора, судьи, других субъектов доказывания свойственно обрабатывать все накопленные сведения сразу, в совокупности, молниеносно выстраивать их в логическую цепочку и делать вывод, в особенности если установление соответствующего факта не предполагает особой сложности и (или) укладывается в стандартный алгоритм расследования или судебного разбирательства уголовного дела о типичном преступлении.

К великому сожалению, ученые-процессуалисты никогда не обращали внимание на эту особенность работы с доказательствами. По крайней мере, во многих публикациях, посвященных вещественным доказательствам, допускается точно такое методологическое упущение, обусловленное развитыми умственными способностями и навыками логического мышления любого разумного человека — высказывается позиция, игнорирующая единичную (автономную) познавательную роль какого-либо предмета (потенциального вещественного доказательства) и предполагающая слияние этого объекта и факта его обнаружения в некий интегрированный информационный ресурс [4, с. 183, 13, с. 9 и др.].

Кстати, неприемлемость подобного подхода обуславливается не только и не столько вышеизложенными теоретическими рассуждениями; она наглядно подтверждается и множеством примеров из повседневной правоприменительной практики, связанных с установленными законом возможностями представления либо изъятия предметов без производства следственных, судебных или иных процессуальных действий. Так, в публикациях автора настоящей статьи уже неоднократно рассматривался достаточно типичный случай: похищенное в ходе карманной кражи портмоне после извлечения из него всего «ценного» было незамедли-

тельно выброшено преступником в мусорный бак, а позднее обнаружено случайным прохожим и возвращено потерпевшему (его телефон был указан на оставшихся в портмоне визитных карточках). Последний незамедлительно сообщил о случившемся следователю и добровольно передал найденную вещь для приобщения к уголовному делу. В описанной ситуации не проводилось никаких следственных или иных процессуальных действий, направленных на выявление связей представленного объекта с обстоятельствами, подлежащими доказыванию по уголовному делу, кроме дополнительного допроса потерпевшего и допроса в качестве свидетеля обнаружившего портмоне прохожего, результаты которых вряд ли можно было хоть как-то увязать с событием преступления и совершившим его лицом. Однако имелись все основания для признания портмоне вещественным доказательством — как предмета, на который были направлены преступные действия. В правоприменительной практике встречается и множество других подобных случаев. Тем более что ни одна из предусмотренных ч. 1 ст. 81 УПК РФ правовых гипотез не предполагает необходимости обязательного обнаружения потенциального вещественного доказательства в определенном месте (у определенного лица), его предъявления для опознания, проведения в отношении него экспертных исследований и т. д.

По всей вероятности, именно поэтому отдельные ученые, рассматривая вещественные доказательства, полностью обесценивают сведения о самом предмете и придают значение лишь информации, выявленной в результате проведенных в отношении него процессуальных действий [1, с. 298; 6, с. 148; 16, с. 31–32]. Согласиться с подобными позициями достаточно сложно. В противном случае вещественные доказательства вряд ли вообще смогли бы на протяжении столь длительного времени сохранять свое место в системе средств доказывания и входить в сферу уголовно-процессуального регулирования. Законодатель и правоприменительная практика просто отказались бы от их использования, заменив более удобными для работы и, самое главное, хранения информационными ресурсами, в первую очередь протоколами их осмотров. К слову, именно такими способами — посредством проведения соответствующих осмотров, фотографирований, видеозаписей и т. д. — и обеспечивается фиксация и сохранность соответствующих сведений в случаях, предполагающих невозможность либо нецелесообразность их длительного нахождения при уголовном деле (например ч. 2 ст. 82 УПК РФ).

Повсеместная и безусловная замена самого предмета (вещественного доказательства) материалами, отражающими его визуальное вос-

приятие полномочными субъектами доказывания в ходе предварительного расследования или даже судебного разбирательства, представляется неразумной, снижающей познавательный потенциал соответствующих сведений, приводящей к производности используемых информационных ресурсов и, как следствие, к гораздо меньшей объективности формулируемых выводов, лежащих в основу приговоров либо иных правоприменительных актов. Ведь для любых последующих правоотношений составляемые в ходе осмотров или других подобных процессуальных действий (освидетельствований, обысков, проверок показаний на месте и т. д.) протоколы по сравнению с непосредственно воспринимаемыми материальными объектами всегда будут характеризоваться некоторой познавательной ущербностью, считаться полученными «из вторых рук». Между предметом самого процессуального действия, как справедливо писал еще в 1949 г. В. Я. Лившиц, и содержанием протокола существует еще одно звено — личность его автора с присущими ей восприятием, памятью, умением правильно описать увиденное [11, с. 118]. Позднее эти идеи высказывались и другими учеными.

Тогда как приобщенное к уголовному делу вещественное доказательство, напротив, характеризуется своей натуральностью, способностью к восприятию именно в том виде, в котором ранее попало в орбиту обстоятельств, входящих в предмет доказывания, либо который приобрело ввиду таких обстоятельств. Представляется, что именно в этом и состоит основное предназначение вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве! Именно в этом и заключается их основная роль в общем механизме установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, и обоснования соответствующих правоприменительных решений.

Выводы. Итак! Само по себе вещественное доказательство в отрыве от других находящихся с ним в логической взаимосвязи (встроенных совместно с ним в общую цепь рассуждений) информационных ресурсов представляет интерес для доказывания лишь фактом своего существования в объективной реальности. Оно как бы наглядно демонстрирует само себя, осуществляет некую «самопрезентацию», направляя в адрес дознавателя, следователя, суда, иных участников уголовного судопроизводства четкий и понятный информационный посыл: «Такой предмет с присущими ему внешними признаками и свойствами действительно существует, а не является чьей-то выдумкой, видением, фантомом, не порожден чьей-то фантазией или воображением».

Между тем, будучи встроенными в совокупность имеющихся в арсенале дознавателя, следователя, суда средств доказывания, веществен-

ные доказательства приобретают принципиально иной смысл, начинают выполнять новую, уже не столько познавательную, сколько аргументационно-логическую роль. Ввиду их обнаружения, исследования или изъятия в ходе процессуальных действий, оперативно-розыскных или административных мероприятий вещественные доказательства достаточно часто выступают связующими звеньями между соответствующими познавательными результатами (например, между результатом осмотра, позволившего обнаружить след пальца руки, и выводом эксперта, установившего идентичность этого следа с одним из экспериментальных оттисков пальцев обвиняемого), то есть способствуют формированию общей логической цепочки аргументов и суждений, предопределяющих исход уголовного дела в целом либо возможность (невозможность) установления какого-то промежуточного факта в частности.

А основная познавательная ценность вещественного доказательства состоит в возможности его сохранения в неизменном виде при уголовном деле (в ином определенном дознавателем, следователем, судом месте) — в своеобразной процессуальной «консервации», предполагающей способность быть представленным для визуального обозрения в любой момент уголовного судопроизводства: в ходе предварительного расследования, судебного следствия, апелляционного производства и т. д. Именно этим вещественные доказательства заметно выигрывают у результатов следственных (судебных) действий, направленных на визуальное восприятие каких-либо материальных фрагментов объективной реальности, в первую очередь осмотра, предназначенных для отражения в сознании субъекта-познавателя и фиксации в материалах уголовного дела тех фрагментов окружающей реальности, которые в силу ряда причин не могут быть сохранены в первозданном виде для последующего восприятия в ходе дальнейших правоотношений, в частности судебного разбирательства. К слову, здесь кроются и ответы на поставленные выше вопросы, почему вещественным доказательством нельзя признавать труп, возникшие вследствие криминального поведения повреждения на теле живого человека и т. п. — все указанные объекты ввиду понятных причин тоже не пригодны для сохранности и приобщения к материалам уголовного дела в неизменном виде.

В завершение хотелось бы выразить надежду на более внимательное отношение законодателя к доктринальному изысканию ученых-процессуалистов, искренне желающих оказать посильное содействие в формировании наиболее оптимальной и приемлемой для современной России системы уголовного судопроизводства и соответствующей правоприменительной практики.

Список литературы:

1. Боруленков Ю. П. Юридическое познание. Москва, 2014.
2. Власов А. А. Вещественные доказательства в гражданском процессе. Москва, 1999.
3. Выдря М. М. Вещественные доказательства в советском уголовном процессе. Москва, 1955.
4. Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькинд П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978.
5. Кертэс И. Основы теории вещественных доказательств. Москва, 1973.
6. Козловский П. В. Виды доказательств в уголовном судопроизводстве: эволюция, регламентация, соотношение. Москва, 2014.
7. Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995.
8. Кудрявцева А. В., Худякова Ю. В. Вещественные доказательства в уголовном процессе России. Челябинск, 2006.
9. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. Москва, 1989.
10. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие. Москва, 2009.
11. Лившиц В. Я. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе / отв. ред. М. С. Строгович. Москва—Ленинград, 1949.
12. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. Москва, 2009.
13. Попова Н. А. Вещественные доказательства: собирание, представление и использование их в доказывании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007.
14. Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. Москва, 2021.
15. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство — судопроизводство. 4-е изд. Санкт-Петербург, 1913.
16. Смирнов А. В. Что считать вещественным доказательством // Уголовный процесс. 2011. № 4.
17. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Москва, 1968. Т. 1.
18. Треушников М. К. Судебные доказательства. Москва, 1997.
19. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. 3-е изд. Санкт-Петербург, 1910. Т. 2.

Для цитирования:

Россинский Сергей Борисович. Вещественные доказательства как средства доказывания по уголовному делу: в чем их познавательная ценность? // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 2 (62). С. 74—81.

References:

1. Borulenkoy Yu. P. Yuridicheskoye poznanie. Moskva, 2014.
2. Vlasov A. A. Veshchestvennyye dokazatel'stva v grazhdanskom processe. Moskva, 1999.
3. Vydrya M. M. Veshchestvennyye dokazatel'stva v sovetskom ugovolnom processe. Moskva, 1955.
4. Gorskiy G. F., Kokorev L. D., El'kind P. S. Problemy dokazatel'stv v sovetskom ugovolnom processe. Voronezh, 1978.
5. Kertes I. Osnovy teorii veshchestvennykh dokazatel'stv. Moskva, 1973.
6. Kozlovskiy P. V. Vidy dokazatel'stv v ugovolnom sudoproizvodstve: evolyuciya, reglamentaciya, sootnoshenie. Moskva, 2014.
7. Kokorev L. D., Kuznecov N. P. Ugolovnyj process: dokazatel'stva i dokazyvanie. Voronezh, 1995.
8. Kudryavceva A. V., Hudyakova Yu. V. Veshchestvennyye dokazatel'stva v ugovolnom processe Rossii. Chelyabinsk, 2006.
9. Kurs sovetskogo ugovolnogo processa. Obshchaya chast' / pod red. A. D. Bojkova, I. I. Karpeca. Moskva, 1989.
10. Lazareva V. A. Dokazyvanie v ugovolnom processe: uchebno-prakticheskoye posobie. Moskva, 2009.
11. Livshic V. Ya. Princip neposredstvennosti v sovetskom ugovolnom processe / otv. red. M. S. Strogovich. Moskva — Leningrad, 1949.
12. Orlov Yu. K. Problemy teorii dokazatel'stv v ugovolnom processe. Moskva, 2009.
13. Popova N. A. Veshchestvennyye dokazatel'stva: sobiranie, predstavlenie i ispol'zovanie ih v dokazyvanii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2007.
14. Rossinskij S. B. Dosudebnoye proizvodstvo po ugovolnomu delu: sushchnost' i sposoby sobiraniya dokazatel'stv. Moskva, 2021.
15. Sluchevskiy V. K. Uchebnik russkogo ugovolnogo processa. Sudoustrojstvo — sudoproizvodstvo. 4-e izd. Sankt-Peterburg, 1913.
16. Smirnov A. V. What is considered material evidence // Ugolovnyj process. 2011. № 4.
17. Strogovich M. S. Kurs sovetskogo ugovolnogo processa. Moskva, 1968. T. 1.
18. Treushnikov M. K. Sudebnye dokazatel'stva. Moskva, 1997.
19. Fojnitskiy I. Ya. Kurs ugovolnogo sudoproizvodstva. 3-e izd. Sankt-Peterburg, 1910. T. 2.

For citation:

Rossinsky Sergey Borisovich. Physical Evidence as a Means of Proof in a Criminal Case: What is their Cognitive Value? // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 2 (62). P. 74—81.